

К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ГОРОДА-ГЕРОЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

ТАМ, ГДЕ СЕВАСТОПОЛЬ

Худ. А. Муравьев, П. Горбань.

ВЛАДИМИР ГНЕУШЕВ

ОЧЕРК

Характер человека определяется событиями, через которые он прошел в жизни, условиями, в которых он жил. Характер города зависит от людей, населяющих его.

Тем, кто приезжает в Севастополь, может показаться, что этот город населен достаточно пестро для того, чтобы не иметь определенного характера. Иностранцы и наши моряки, многочисленные туристы, осаждающие в часы обеда столовые, кафе и рестораны, а в остальное время — пляжи и тропинки на ракушечных склонах Омеги, Учкеевки и каменистого берега у развалин древнего города Херсонеса, где у самой воды белеют мраморные коринфские колонны и на обломках амфор греются застенчивые черноморские крабы, — могут создать такое впечатление. Впрочем, ненадолго. Для тех же, кто знает Севастополь, ясно, что характер у него есть — гордый, непреклонный и романтический — характер потомственных рабочих и рыбаков.

Севастополь стоит над морем, и, собственно говоря, вся его жизнь озарена морем. Он неповторим, но неповторимость его цепкими нитями связана с великим разнообразием Союза, и потому с уверенностью можно считать, что Се-

вастополь — кровное и любимое детище страны.

Каковы же эти нити? Парень из Вологды, Ставрополя или Минска приезжает сюда служить. Он почти год учится в огромных каменных корпусах Учебного отряда, перед входом в который стоит бюст матроса Кошки, и уже тогда начинает понимать и влюбляться в город, частицей которого ему суждено стать. Потом он служит на кораблях, и часто прямо из бухты ему виден увитый виноградом домик на Корабельной или Северной стороне, где живет Оля или Нина, девушка с кожей, оранжевой, как апельсин, и глазами, способными поднять шторм на океане, а не только в благородном матросском сердце. — Знаешь Андрея Петровича Гаевого, что служил мичманом на эсминце, а сейчас командует сейнером в Камышовой? Так это его дочка, — шепчет потрясенный матрос своему товарищу в запрещенное для разговоров время, после отбоя...

Пройдет время, и матрос, демобилизовавшись, уже не сможет уехать в свою Вологду,

Ставрополь или Минск, он только навестит родных и вскоре вернется к синим накатам волн у Константиновского равелина, к запахам водорослей и рыбы в бухте

Камышовой, под строгое начало бывшего мичмана Гаевого и его дочки. К тому времени он уже будет обладать крепкими руками со следами железа и пеньки на ладонях и твердым, несуетливым характером, ибо море не терпит суеты...

Есть города, в которых мы родились и выросли и которые остаются на всю жизнь милыми нашему сердцу, где бы нам ни довелось жить потом. Но Севастополю мы всегда отыщем место в душе, потому, может быть, что почти у каждого из нас есть на то личные причины. Недаром ведь братские кладбища и братские могилы осеняют своим торжественным молчанием любую часть города. Я не живу в Севастополе, но на западном склоне Малахова кургана, лицом к морю, упал и не поднялся мой отец в сорок втором году...

Я учился любить Севастополь с детства, когда читал книги о нем. Спасибо этим книгам, они заронили в мою душу тоску о прекрасном и мужественном. Вскоре после войны я глядел на еще дымившийся Севастополь. Каждое утро мы выстраивались на юте корабля, и нас распределяли на работы.

— На камбуз — два человека! — выкрикивал дежурный по кораблю, и два матроса, отделившись от левого фланга шеренги, шли чистить картошку.

— В распоряжение капитана Савостина — двадцать человек!

Я стоял в середине шеренги и потому почти всегда попадал в распоряжение капитана Савостина. Вместе с товарищами я спускался в кубрик, брал брезентовые рукавицы, измочаленные острыми осколками белого инкерманского камня, снова поднимался на палубу и отправлялся на берег.

Капитан Савостин, высокий, чуть сутуловатый в широких плечах человек, с измученным лицом и могучими, в ссадинах, руками, встречал нас на участке. Этот участок находился примерно там, где теперь проспект Нахимова, еще точнее — в районе Дворца пионеров. Мы должны были расчищать и вывозить развалины, находить и обезвреживать многочисленные мины и снаряды. По правде сказать, нам не очень нравилась эта работа: многие из нас успели побывать на фронте, были ранены и

награждены и потому считали, что достойны более завидной участи. Но капитан Савостин не давал времени для сожалений. Он первым подходил к куче инструментов, выбирал ломик потяжелее и, гекнув, втыкал его в обломок стены.

Однажды, обозленный усталостью и жарой, усиленной жаждой и голодом, я недовольно буркнул:

— Обязаны мы, что ли, копать здесь? Мы моряки, а не строители...

Капитан Савостин услышал мои слова.

— Слушай сюда, Гнеушев, — сказал он, разгибаясь и вытирая темным платком бурую шею и грудь, — если ты еще раз произнесешь такие слова, я тебя на гауптвахту посажу. Понял мою мысль?..

Спасибо капитану Савостину: хоть и позже, но я понял его мысль труженика и воина, молчаливо и гордо переносившего тяжесть работы, которой, казалось, конца не будет, и мучительную боль возле сердца. Он умер спустя полгода от ран, полученных на Сапун-горе: осколок, величиной с горошинку, добрался-таки до его сердца. Командование сочло возможным и необходимым похоронить его в братской могиле и с почестями. Лишь тогда мы увидели, как на алых подушечках колыхались впереди гроба три ордена Красного Знамени...

Потом я служил на Балтике и снова попал в Севастополь в 1959 году, когда он уже был таким, каков сейчас. С той поры я бываю там часто и всякий раз узнаю и не узнаю его. Узнаю, потому что с закрытыми глазами могу пройти по лестницам, проспектам, переулкам и спускам — от Бастионной до Карантинной, и не узнаю потому, что встречаюсь с новыми людьми, хотя почти все они — мои старые знакомые.

Я думаю, не случайно именно в Севастополе возникла и отсюда распространилась по всей стране мысль о борьбе за коммунистический быт не только в семье и квартирах, но и на улицах города.

«Севастопольцы! Сделаем наш город городом образцового порядка и культуры!» Такие лозунги можно увидеть всюду, и хорошо уже то, что они не заслоняют собой, как в иных местах, ни цветников, ни памятников, ни разноцветных витрин.

Случилось так, что гордость за свой город стала сущностью людей, превратив обязанность в необходимость, в то внутреннее состояние, когда и посторонняя радость или беда воспринимаются как собственные, а чистота города важна настолько же, как своя опрятность. Я знаю, что ни у одного меня на улицах Севастополя возникает чувство, как в московском метро: ни сплунуть, ни окуроч выбросить мимо урны...

Пожалуй, ни одному городу в мире не выпало столько испытаний, как Севастополю. Видно, поэтому трудно найти другой город, где так сильны были бы традиции товарищества и взаимовыручки.

...Неисправность на одном из боевых постов подводной лодки обнаружилась в тот момент, когда она пошла на погружение. Об этом старший моторист Балеев немедленно доложил своему старшине, а тот — командиру. Для ремонта требовалось всплытие.

— Кто будет устранять неисправность? — запросил командир.

— Разрешите мне и старшине первой статьи Колобову.

Командир дал «добро», и подводная лодка всплыла. Море штормило, волны свободно перекачивались от носа до кормы, грозя в любую минуту смыть смельчаков. От рубки до надстройки, где была неисправность, — всего несколько метров, но попробуйте, во-первых, добраться туда, а во-вторых, работать там в отсеке, ежеминутно окатываемом ледяной водой!

Васильев и Колобов работали. А когда закончили и отправились в обратный путь к рубке, усталость и усилившийся шторм чуть не стали причиной их гибели. Из рубки видели, как налетела волна и с головой накрыла ребят. Через несколько секунд волна схлынула, но старшина первой статьи оказался за бортом. Васильева спас Колобов: на какое-то мгновение он опередил удар волны и схватил одной рукой товарища, а второй — поручень на рубке. Пальцы его рук напряглись так, что, казалось, из них хлынет кровь. Но разве может разжаться рука друга, если она хочет спасти?..

...Лариса Бабенко пришла в горком комсомола и попросила помощи: в Ростове умирал ее брат. Комсомольцы созвонились с ростовчанами, и те сделали все возможное, чтобы спасти молодого парня. И спасли. Но пока звенели телефоны, писались письма, Лариса каждый день приходила в горком, смотрела, как работают здесь люди, и однажды попросила:

— Дайте и мне какую-нибудь работу.

Ей дали поручение: взять шефство над заболевшим десятиклассником, самочувствие которого было настолько тяжелым, что он уже не надеялся вернуться не только в школу, но и к жизни. Лариса нашла этого юношу и развила такую энергию в борьбе за его полноценную жизнь, что в Нахимовском райкоме Севастополя одно время казалось, будто именно Лариса руководит здесь.

Она носила юноше газеты и журналы, читала ему. Уговорила учиться дальше и сагитировала учителей, чтобы они приходили к нему домой. Работая в спортивном диспансере, Лариса понимала, какое огромное значение имел для больного каждый глоток свежего воздуха и каждое, пусть поначалу мучительное, движение. Она организовала медицинский контроль над ним, выносила на воздух и занималась с ним, пока он не пошел на поправку. Тогда Лариса разыскала в техническом училище паренька, которому поручила дальнейшее шефство над больным, а сама отправилась к девочке-инвалидке, чтобы и ей помочь вернуться к жизни.

Нетрудно увидеть тесную связь между случаем в море и в горкоме комсомола: ведь все это происходит в городе, где чуть ли не каждый второй житель — моряк бывший или настоящий. Подобных случаев там тысячи, и если я выбрал именно эти, а не другие, происходившие раньше или позже, то потому, что они достаточно типичны для характера города, а мне ведь и хотелось рассказать именно о характере. Сложившись из отношений людей, он в свою очередь воздействует на них...

Когда я приезжаю в Севастополь, я поселяюсь на Карантинной улице, рядом с дорогой на Стрелецкую бухту. Улица эта,

пожалуй, слишком широковата для того оживления, которое есть на ней. Это значит, что оживления нет вовсе. Наш дворик — типичный дворик окраины. Он просыпается в шесть часов утра, когда Валера, электрик с железной дороги, начинает свои длительные упражнения с гантелями, резиной и скакалкой. Валера — боксер, и потому нет во дворе человека, который не верил бы ему на слово, что спорт вообще распрекрасное дело, а уж зарядка по утрам — просто необходимое для всякого, у кого есть минимум шесть извилин в мозгу. Почему именно шесть, а не больше или меньше, не знает никто, кроме Валеры. Впрочем, и на этот счет сомнений ни у кого не возникает.

Итак, Валера начинает прыгать и хлопать резиной, и в этот момент просыпается Леха. Ему надо торопиться на службу. Он суетливо выбегает во двор, и я слышу, как Валера внушает ему:

— Опять хочешь без зарядки обойтись? Нехорошо!

— Ну, что ты! — неуверенно восклицает Леха, — как же можно без зарядки?

Приподнявшись на локте, я в окно вижу, как Леха без энтузиазма дергает руками на уровне плеч, словно оратор, пытающийся изобразить волнение. Торопливо одеваясь, он сообщает мне, что вообще он не против зарядки или спорта, но не каждый день.

— До вечера, — говорит он уже от дверей.

Валера продолжает заниматься. Глядя на его мускулы, можно воочию убедиться, какие чудеса делает с человеком спорт.

Выйдя на крыльцо, я небрежно здороваюсь, как человек, не имеющий отношения ни к чьим притязаниям. Валерка кивает головой.

— А Пашка спит?

Пашка — третий холостяк во дворе. На службу ему к девяти, поэтому он спит до половины девятого. Валера говорит о нем со снисходительным презрением, в котором, однако, сквозит нотка жалости: «Пашка, вероятно, скоро женится».

Закончив бесчисленные упражнения, Валера долго полощется под краном, из которого бьет тугая струя воды, потом растирается мохнатым полотенцем. Затем он появляется во дворе весь чистый, выглаженный, в ярко блещущих остро-

носых туфлях, с маленьким чемоданчиком в руке.

— Привет! — говорит он и поднимает руку в жесте, каким прощается Жан Маре в кинофильме «Разбитые мечты».

— Привет! — говорю я, калитка хлопает, стук каблучков на асфальте набирает темп, и за своей спиной я слышу чье-то сонное сопение. Это Пашка.

— Ушел? — спрашивает он, оглядывая двор. — Доброе утро.

Пашка долго повязывает перед зеркалом галстук, неуклюжими пальцами пытается выпрямить воротничок и, уходя, снова говорит всем, кто появляется во дворе:

— Доброе утро. До свидания.

Калитка за ним не хлопает, а закрывается медленно, как дверь сейфа, и шагов Пашки не слышно: он носит туфли на микропоре... Все вместе они вновь собираются лишь вечером.

— Салют! — говорит Леха.

— Привет! — бросает Валера.

— Добрый вечер, друзья! — провозглашает Пашка.

...Эти картинки не менялись из года в год, за исключением, как говорится, текущего года. Пашка получил квартиру в новом доме в бухте Камышовой и переехал туда с молодой женой. Однажды ранним утром, когда на Карантинной было еще сумеречно, потому что солнце не поднялось из-за Малахова кургана, когда редел туман над бухтой и старые акации роняли росу на влажные плиты тротуаров, я проснулся и не услышал привычного шлепанья скакалки Валеры. Это казалось настолько невероятным для семи часов утра, что я подхватился и помчался к нему в комнату: не случилось ли чего. Валера мирно и крепко спал. Мне едва удалось растолкать его. Проснувшись, он долго не мог сообразить, в чем дело, а сообразив, глянул на часы.

— Ого! — сказал он. — Мне сегодня на Джанкой ехать. Как бы не опоздать.

— Ты где вчера был? — спросил я.

— В Доме офицера, на танцах, — сказал Валера, не переставая набрасывать на себя одежду. — С такой девочкой познакомился — закачаешься, если увидишь.

— Сегодня покажешь?

— Нет, сегодня не могу. Сегодня я в

патрулях...

Он убежал так быстро, что я не успел спросить его ни о пользе спорта, ни о магических шести извилинах.

— Вот,— сказал Леха, дергая руками,— к чему приводят танцы. Никогда туда не пойду.

Уж лучше каждый день в патрулях ходить...

Кстати, несколько слов о Патрулях и их работе в Севастополе. Однажды я встретился с ребятами их оперативной группы Нахимовского райкома комсомола. Это было в кабинете секретаря горкома. Все пятеро — Анатолий Назаренко, Олег Синиченко, Володя Приходченко, Борис Баранов и Борис Лембриков — рабочие и трудятся, как они сказали, «на одном из заводов».

— Значит, в Севастополе, тоже есть дружинники? И хулиганы есть?

Лембриков улыбнулся:

— Не без них, к сожалению. Мы лично считаем, что их у нас даже многовато. А официальная статистика утверждает, что по нарушениям порядка — я уж не говорю о преступлениях — Севастополь самый тихий город в стране. Тем не менее, работа у нас есть: то браконьера в море подловим, то дебошира у пивной, а то и мелкого воришку...

— Ну, о чем вам еще рассказать? — задумчиво спрашивал Володя Приходченко. — Трудно припомнить. Народ, вообще-то, у нас хороший, прямо сказать — крепкий народ.

Он улыбнулся, взъерошил бронзовыми руками рыжеватые волосы, сказал:

— Есть у нас на заводе старик один. Фамилию его называть не надо, он человек хороший. Но, как некоторые, выпить любил. Да не как-нибудь, а «традиционно», после полочки у пивного ларька.

Однажды проходим мы мимо, а он... ну, как бы сказать... громко разговаривает, что ли... Пригласили мы его в штаб. Он пришел, но тут же начал стыдить нас:

— Вы, — говорит, — во внуки мне годитесь, а меня учите. Не стыдно?

А мы в ответ: — Стыдно,— говорим,— за то, что внукам приходится деду такие простые вещи объяснять, что пить на улице нельзя да «громко разговаривать» — тоже.

Ведь и ваш дед, говорим, на нашем заводе работал, и отец, и внуки теперь. Многие подпольщиками были, мы гордимся вамп, а вы...

— Видал, какие! — говорит дед. — Выражаться как научились: «Громко разговаривать нельзя!». Сказали бы уж, что нельзя материться...

Но с тех пор, если встречаемся на заводе, он руку нам подает. Проходит мимо пивной, других усовещает:

— Что вы тут распиваете? Тут нельзя: дети, женщины ходят.

— Но чаще всего, — завершил разговор Боря Баранов, — профилактикой занимаемся. Приходим на собрания, выступаем, объясняем. Помогает...

Если пройти по Севастополю, всюду можно увидеть прекрасные приметы все усиливающегося движения за коммунистический быт в городе. Зайдите, например, на швейную фабрику № 1 и поговорите с комсомольцами. Они расскажут вам о чудесной инициативе молодых работниц, обязавшихся воспитывать в своем коллективе девушек из числа тех, кого в других городах просто выселяют с глаз подальше. Здесь многие из них стали передовиками производства и хорошими товарищами. Коллектив доказал, таким образом, что ни разочарованных, ни равнодушных в нашем обществе нет, а есть просто не нашедшие себе настоящего дела. Им надо помочь, вот и все.

Или побывайте там, где кончается улица Горпищенко, в доме, что рядом с кинотеатром «Севастополь». Это не просто дом, а дом коммунистического быта. Нет смысла называть кого-нибудь из жильцов: никто не обидится, но будет все же несправедливо, ибо все они живут по законам человеческого братства, когда один за всех, а все за одного. Пример таких людей уже подхвачен во многих других домах Севастополя. Из домов он перекинется на улицы, а потом и на весь город...

Севастопольский поэт Николай Криванчиков написал такие строчки в своей книжке «Дорога к звездам»:

Исклеванные пулями соборы,
под виноград распаханные горы,

и мужество земное и морское,
и вросшие в бессмертье тополя,
сердца, не признающие покоя,
а песни — тишины вот что такое
мой Севастополь — кровная земля...

Это правда, хотя и не вся. Впрочем, всю правду невозможно выразить и в тысяче стихотворений...

Сейчас в Севастополе тепло, но от бухты уже веет прохладой. Я стою в маленьком сквере на проспекте Нахимова, возле Дворца пионеров. Где-то здесь, вместе с капитаном Савостиным, я растаскивал обрушенные снарядами камни. Теперь и не узнать этого места. Газоны, полные ярких цветов. Квадратные каменные плиты, уложенные так, чтобы между ними могла пробиваться трава. Она пробилась, она обвила зеленым белые квадраты, и сразу вспоминаешь, как много лет этому молодому городу.

Вдоль ярких, разноцветных скамеек, расставленных на длинной аллее, я прохожу к парапету Приморского бульвара и вижу, как стоящие в Северной бухте корабли поднимают флаги расцвечивания. Матросы в белых робах ходят по палубам и бегают по трапам. С мостиков и надстроек им видно далеко вокруг. Они, например, видят Старое Братское кладбище и Новое Братское кладбище на Северной стороне, Братские могилы на Историческом бульваре, на Малаховом кургане...

Видят матросы и улицы своего города, которые, если придется, они готовы защитить любой ценой. Почти все эти улицы, переулки, увитые виноградом, и спуски, занавешенные деревьями, названы именами героев, прославивших их. И когда я смотрю на матросов, бегающих по трапам боевых кораблей, на ребят-дружинников «с одного из заводов», на широких и костистых парней из бухты Камышовой, на девушек с кожей, оранжевой, как апельсин, на мичманов и адмиралов, вышедших в отставку и ушедших в запас, на весь этот теплый, голубой с белым мир, я думаю, что у него не хватит улиц, переулков и спусков, чтобы назвать их именами всех героев, которые жили здесь, живут и еще будут жить...

